

С. Атава

Оскудение. "Благородные"

Том 2. Матери

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Атава**
Оскудение. "Благородные": Том 2. Матери / С. Атава – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 408 с.

ISBN 978-5-458-12688-5

ISBN 978-5-458-12688-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

псовая охота, травля пойманныхъ волковъ, травля миомидушихъ. Разъ онъ травилъ собаками даже дьякона, который въ испугѣ убѣжалъ и скрылся въ конопляникъ, но тамъ былъ осажденъ (конопляникъ былъ большой — десятинь пять) два дня и двѣ ночи дворней подъ личнымъ предводительствомъ покойника и когда, наконецъ, изнуренный голодомъ, жаждой и бессонницей вышелъ оттуда и палъ на колѣни, прося пощады, покойникъ наградила его, подаривъ рыжую кривую кобылу, носившую названіе попады.

— На ней ты всегда и ѣзди ко мнѣ, — сказалъ покойникъ, отпуская дьякона, при чемъ остался доволенъ какъ охотой, такъ и каламбуромъ...

Въ разсужденіи женскаго пола былъ неразборчивъ и подобенъ безмысленной скотинѣ, не понимающей, что такое стыдъ. Бабушка покойница ловила его вездѣ: и въ кабинетѣ, и на чердакѣ, и въ саду. Разъ застала его даже въ своей собственной спальнѣ. Само собою разумѣется, что пойманныхъ бабъ и горничныхъ, соучастницъ шалостей покойника, нещадно сѣкли, стригли и вообще подвергали разнымъ исправительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, но это все на него нисколько не дѣйствовало и его не исправляло. Наконецъ, одинъ разъ, когда покойница уѣзжала на богомолье въ Воронежъ, онъ совершенно неожиданно для нея сошелся, въ ея отсутствіе, съ овдовѣвшей недавно сосѣдкой, полковницей Предковой. Возвратившись съ богомолья, покойница очень скоро, конечно, всѣ «эти шашни» его узнала, но какія мѣры ни принимала, чтобы положить конецъ «этой страмотѣ» и «позору», все равно ничего не добила. А впоследствии дѣло дошло до того, что эта полковница переѣхала на постоянное житье къ нимъ въ домъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣдушка согласился

быть ея опекуномъ. Ударъ для покойницы бабушки былъ страшный, но она тѣмъ не менѣ перенесла его довольно благополучно, сосредоточивши однако все свое вниманіе и вниманіе своихъ безчисленныхъ ключницъ, экономокъ и горничныхъ на томъ, что дѣлается въ «апартаментахъ» этой «безстыжей».

— Матушка барыня, «они» изволили «туда» пройти, докладываетъ неслышно, на цыпочкахъ, снявъ башмаки, появляющаяся откуда-то сбоку горничная.

— Прошелъ? Сейчасъ?

— Сейчасъ-съ.

— А ты, подлая, точно рада этому. вдругъ накидывается она на доносчицу.

— Сударыня, да вѣдь я...

— Нечего, сударыня! Знаю я васъ. Пошла, послушай потихоньку, что они тамъ...

Горничная уходитъ и минутъ черезъ пять или десять опять является.

— Ну, что?

— Изволятъ смѣяться...

Бабушка произошла отъ брака нашего же помѣщика, татарскаго происхожденія, князя Кундашева съ дочерью его бывшаго полковаго командира, генерала фонъ-Шпице. Происхожденіе, по крайней мѣрѣ по ея понятіямъ, было самое аристократическое, и она этого никогда не забывала и забыть даже не могла. Тѣмъ не менѣ, одна-кожъ, вспоминая побѣды надъ кавалерами въ дни своей юности, она иногда употребляла такое выраженіе: «хотя я и княжеваго рода, но въ моихъ кровяхъ азіятъ». Это, впрочемъ, должно было свидѣтельствовать о томъ, какая она была въ этихъ дѣлахъ «отчаянная».

Какъ и надо было ожидать, съ перваго же года своего супружества дѣдушка съ бабушкой начали пло

даться и наплодили мнѣ безчисленное количество тетенекъ и дяденекъ. Въ нашей сторонѣ это свойство, впрочемъ, довольно общее: скука въ деревняхъ вѣдь ужасная.... Въ живыхъ, разумѣется, не всѣ остались: умерло ихъ тоже множество, но болѣе чѣмъ достаточно осталось и въ живыхъ. Воспитаніе «у домашняго очага» всѣ они получили, конечно, одинаковое, но зато въ дальнѣйшей ихъ судьбѣ и карьерахъ произошло удивительное, можно сказать, разнообразіе, такъ что иногда, когда я смотрю на нихъ и задумаюсь объ нихъ, то дѣдушка съ бабушкой представляются мнѣ сѣятелями, которые, взявъ въ руки по горсти сѣмени самаго смѣшаннаго, развѣяли его по вѣтру. Дѣйствительно, когда вся эта коллекція собирается вмѣстѣ, то своимъ разнообразіемъ производитъ удивительное впечатлѣніе. Такое разнообразіе встрѣчается только въ нашихъ дворянскихъ семействахъ. Нигдѣ ничего подобнаго даже невозможно увидать и встрѣтить. Въ купеческомъ семействѣ — будь хоть десять сыновей — всѣ они болѣе или менѣе одного покроя и одного уровня. То же самое и у духовныхъ. Про мужиковъ ужъ и говорить нечего. Но у «насъ» о! какое всегда разнообразіе.

Почему это?

А очень просто. Купецъ своихъ сыновей готовитъ къ торговлѣ. Попъ своихъ дѣтей готовитъ себѣ и себѣ подобнымъ въ замѣстители. Мужикъ своихъ приучаетъ «къ сохѣ», т. е. опять-таки къ своему дѣлу. А къ чему, къ какому дѣлу мы будемъ приучать своихъ дѣтей, когда положу руку на сердце, ни одинъ изъ насъ не отвѣтитъ по совѣсти на вопросъ: какое наше дѣло? Т. е., положимъ, отвѣтитъ-то мы всегда готовы и такой отвѣтъ у насъ всегда на языкѣ: «безкорыстное служеніе престолу и отечеству»; но, впервыхъ, что это за специальность, и потомъ, такъ ли это было и есть на самомъ дѣлѣ?

Вопросъ, что сдѣлать съ дѣтьми, неотвязный, и онъ стоялъ одинаковой загадкой какъ для покойниковъ дѣдушки съ бабушкой, такъ точно стоитъ до сихъ поръ и передъ нами. Не знаю, задумался ли кто нибудь надъ нимъ и какъ его разрѣшали другіе, но я по крайней мѣрѣ много думалъ объ немъ и пришелъ къ тому заключенію, что этотъ вопросъ-загадка такъ-таки до скончанія дней «нашихъ» останется для нашего сознанія неразрѣшенной загадкой. Но объ этомъ рѣчь впереди.

II.

Когда бабушка народила достаточное уже количество дяденекъ и тетенекъ и они стали не только ходить и, бѣгать, но даже и баловать, для обузданія ихъ была откуда-то добыта самаго жалкаго вида нѣмка Каролина Карловна. Еще немного погода былъ точно также неизвѣстно откуда прибрѣтенъ французъ мусье Шампо, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, что пришли съ Наполеономъ въ Москву и ужь никогда потомъ не возвращались на родину. Въ своемъ полку Шампо былъ барабанщикомъ, а прежде у себя въ деревнѣ—садовникомъ. По-русски онъ говорилъ очень скоро, но ужасно плохо. Покойница его не любила, но зато дѣдушка любилъ очень. Во-первыхъ, Шампо былъ ужасный «шалунъ» и въ этомъ качествѣ постоянно споспѣшествовалъ покойнику и, потомъ, отлично выбивалъ трели на барабанѣ. Этотъ нехитрый инструментъ былъ для него нарочно купленъ, и покойникъ заставлялъ его иногда по цѣлымъ часамъ «бить» разные «походы», «отступленія», «атаки» и т. п. Въ длинные осенніе и зимніе вечера эти концерты устраивались обыкновенно въ залѣ или въ гостиной къ ужасу покойницы, «княжескіе»

нервы которой не выносили этого инструмента. Шампо «билъ» всё эти сигналы сперва «по-французски», а потомъ «по-русски». Почти каждый вечеръ у него съ покойникомъ, послѣ такого концерта, начинался споръ о томъ, какой однозначаций сигналъ лучше — французскій или русскій? Сосѣди, бывшіе при этомъ, также вмѣшивались въ пренія, споръ разгорался еще болѣе и если Шампо при этомъ увлекался и «забывался», то его тутъ же, вечеромъ, съ фонарями отправляли на конюшню, гдѣ и сѣкли.

Каролину Карловну, сколько мнѣ извѣстно, не сѣкли. Она была любимицей бабушки и главной надзирательницей за шалостями покойника и его все же друга Шампо. Оба они, т. е. и дѣдушка и Шампо, весьма естественно, терпѣть ее не могли за это, но все же она какъ-то ухитрялась спастись отъ нихъ. Ей, впрочемъ, однажды угрожала серьезная опасность. Дѣдушка рѣшилъ выдать ее замужъ за Шампо. Она была въ отчаяніи. Зная рѣшительный нравъ покойника, не терпѣвшаго никакихъ возраженій, особенно въ подобныхъ предпріятіяхъ, она въ канунъ свадьбы, ночью, неизвѣстно куда сбѣжала. Всѣ самые тщательные розыски не привели ни къ чему и только послѣ полугодоваго скрыватьства у кого-то изъ помѣщиковъ другаго уѣзда, уступая чувству любви къ бабушкѣ и получивъ нѣчто въ родѣ охранной грамоты отъ дѣдушки, возвратилась къ своимъ занятіямъ, т. е. къ воспитанію дяденекъ и тетенокъ и выслѣживанію шалостей покойника и Шампо.

Кромѣ этой «гувернантки» и этого «гувернера», въ воспитаніи дѣтей участвовали еще двое: сумасшедшій (въ тихомъ помѣшателствѣ) нѣмецъ Федоръ Ивановичъ, удивительно игравшій на фортепіано и обучавші дѣй

тей этому искусству, и дьяконскій братъ семинаристъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ не принявшій никакого священнаго чина. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, рябъ, ходилъ въ нанковомъ «пальтончикѣ» и самъ въ горшкѣ теръ для себя нюхательный табакъ. Сѣченъ бывалъ нѣсколько разъ.

Вся эта компанія, т. е., разумѣется, кромѣ нѣмки, помѣщалась на верху, въ мезонинѣ, тамъ же гдѣ было отведено помѣщеніе и для пойманныхъ молодыхъ лисятъ и волчатъ. Понятно, грязь и вонь были тамъ невообразимыя.

Преуспѣвая и совершенствуясь въ наукахъ и поведеніи, дяденьки и тетеньки между тѣмъ все росли, и старшій дяденька доросъ, наконецъ, до того, что началъ не только понимать вкусъ въ походахъ дѣдушки и Шампо и весьма имъ сочувствовать, но и подражать. Желая, вѣроятно, образумить его, бабушка прибѣгла къ мѣрамъ строгости: нѣсколько горничныхъ и кружевницъ были за него высѣчены и острижены, но мѣра эта и въ настоящемъ случаѣ ни къ чему не привела. Наконецъ бабушка рѣшилась переговорить обо всемъ этомъ съ дѣдушкой.

— Молодца-то нашего пора, я думаю, куда-нибудь и спровадить, начала она.

— А что?

— Да такъ. Изъ дѣвичьей его не выгонишь.

— Да-а? удивился дѣдушка и велѣлъ его позвать.

На семейный судъ предсталъ дышащій здоровьемъ, краснощекай, широкоплечій шестнадцатилѣтній герой.

— Ты, братецъ, говорятъ, того... началъ дѣдушка, и повторилъ бабушкины обвиненія.

— Я, папенька, къ коверщикамъ за шерстью ходилъ.

— За шерстью? А зачемъ тебѣ шерсть нужна?

— Для счастья...

Тутъ покойникъ, производя слѣдствіе, вступилъ въ такія подробности и вообще далъ такое направлеіе допросу, что бабушка въ ужасѣ обратилась въ бѣгство... Тѣмъ не менѣе однако-жь, дядя Яша вскорѣ былъ отправленъ въ какой-то уланскій полкъ и ему данъ въ дядьки старикъ-лакей Иванъ Петровъ. Отпуская сына, дѣдушка сдѣлалъ такое распоряженіе: «Ты, сказалъ онъ Ивану Петрову, смотри за бариномъ какъ за своимъ глазомъ: ты, если, избави Боже, что случится, отвѣтишь мнѣ. А ты, Яковъ, держи его строго, не балуй: если что такое — сейчасъ пиши и присылай его. У меня съ нимъ расправа коротка.» Недѣли черезъ три дѣдушка получилъ отъ сына письмо, что онъ принять въ полкъ. «Безкорыстное служеніе престолу и отечеству» началось....

III.

Осенью этого же года дѣдушка, безъ всякой видимой причины, вдругъ, ни съ того ни съ сего началъ «таять», т. е. худѣлъ и худѣлъ. Сдѣлался такой смирный, тихій. Всѣ свои «эти мерзости» оставилъ. Даже полковницу Предкову отправилъ обратно въ ея имѣніе, чѣмъ конечно возвратилъ къ себѣ любовь и вообще нѣжныя чувства бабушки.

— Не до нее мнѣ теперь, Машенька.

— А если, Богъ дастъ, поправишься, опять за нее примешься?

— Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ поправиться.

— На Бога, мой другъ, уповай: все Онъ.

— Уповаю, конечно, да... нѣтъ, ужь не поправлюсь, чувствую это.

— Тоже вотъ и этого козла-то отправилъ бы ты. Зачѣмъ онъ тебѣ? Только срамота одна.

— Это ты про Шампошку?

— Да, мой другъ.

— А дѣти-то какъ же безъ французскаго языка останутся?

— Гувернантку возьмемъ. А то онъ, подлый, намедни во время урока вдругъ у Сонички руку началъ ни съ того ни съ сего (вранье) цѣловать.

— Да-а?

— Развѣ я, мой другъ, тебѣ солгу?

— Ну, къ чорту его.

Такимъ образомъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до дѣдушкиной кончины она взяла во всемъ такую силу, что, можно сказать, его въ это время какъ бы ужь не существовало. Всѣ дѣла по хозяйству вершила ужь она одна. На дѣдушку нашель какой-то особенно-нѣжный «стихъ».

— Трудно тебѣ, Машенька, съ этими подлыми?

— Что-жь, мой другъ, дѣлать. На все Господня воля.

— Такъ-то, такъ, а не взять ли намъ управляющаго?

— Только одно лишнее воровство будетъ. Изъ своихъ такого человѣка нѣтъ, а съ воли взять — что съ нимъ подѣлаешь? Ни наказать, ничего такого съ нимъ сдѣлать нельзя...

— Ну, это-то пустяки. Если что — такъ отдеру... Вотъ если бы Богъ далъ поправиться... Да нѣтъ.... нѣтъ....

И въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ днемъ «таянiе» не

только не прекращалось, но видимо усиливалось. Недѣли за двѣ до кончины онъ совсѣмъ затихъ. Доктора начали говорить, что все Богъ.

— Не встать ему? спрашивала бабушка.

— Т. е.: оно, конечно...

— Надежды нѣтъ?

— Весьма слабая...

Бабушка рѣшила выписать своего брата, князя Кундашева, котораго дѣдушка терпѣть не могъ, но на призваніе котораго теперь, конечно, согласился.

— Все-таки мужчина, говорила бабушка.

— Оберетъ онъ тебя.

— Ну, пожалуйста! Отскочить...

— А вотъ, что съ дѣтьми намъ дѣлать?

— Скажи, мой другъ, я такъ и распоряжусь.

— По моему такъ надо: Васеньку — въ морской корпусъ, Сереженьку — въ училище статскихъ юнкеровъ: камеръ-юнкеромъ будетъ, Феденьку — въ гусары... Дѣвочекъ — въ институтъ — въ Смольный монастырь.

— Какъ хочешь, мой другъ. Вотъ только на счетъ морскаго корпуса...

— А что?

— Боюсь я, мой другъ. Вотъ братъ князь Иванъ тоже вѣдь въ морѣ служилъ, такъ безъ рому ни на шагъ. Утромъ — пуншъ и цѣлый день все пуншъ. Маменькѣ, покойницѣ, вѣдь что онъ огорченій принесъ чрезъ это...

Дѣдушка сказалъ, что этого нечего бояться, спиться вездѣ можно. Спросилъ карандашъ, бумаги и, чтобы она не перепутала кого изъ дѣтей куда отдать, все это ей записалъ.

Такъ обыкновенно всегда поступали, распредѣляя, кого изъ дворовыхъ мальчиковъ въ какое отдавать

ученье: кого въ столяры, кого въ сапожники, кого въ музыканты, кого въ живописцы. Такъ поступалъ онъ теперь и съ своими собственными дѣтьми. Такъ точно «мы» поступаемъ, впрочемъ, и до сихъ поръ...

Наконецъ, дѣдушка скончался. Горничныя обмыли его, домашніе столяры и обойщики соорудили гробъ, изъ «губерніи» привезли архіерейскихъ пѣвчихъ, съѣхалось полъ-уѣзда на похороны, похоронили, помянули. Бабушка сдѣлалась опекуншей чуть ли не надъ цѣлой дюжиной дѣтей и владычицей восьми сотъ душъ рабовъ.

Прошло три года. Всѣхъ дѣтей, согласно запискѣ, разсвали по разнымъ заведеніямъ. Она осталась одна въ громадномъ пустомъ домѣ.

IV

Скука смертная. Конецъ сентября. Идутъ безконечные дожди. Только пообѣдали они съ Каролиной Карловной, и ужь смеркается. Легла отдохнуть. Отдохнула. Все еще рано.

— Филька, ставь самоваръ! А что это отъ дѣтей писемъ давно нѣтъ? Каролина Карловна, вы бы, матушка, хоть пасьянсикъ разложили...

Каролина Карловна начинаетъ раскладывать пасьянсъ. Приходитъ лакей и докладываетъ, что «начальники» пришли, т. е. бурмистръ, староста, конюшіи, коноваль, скотникъ, ключникъ и проч.

— Позвать ихъ.

Въ гостиную, стараясь осторожнѣе стучать сапогами, входятъ начальники, кланяются, и заложивъ руки назадъ, рядкомъ выстраиваются вдоль стѣны.

— Ну, что, все благополучно?